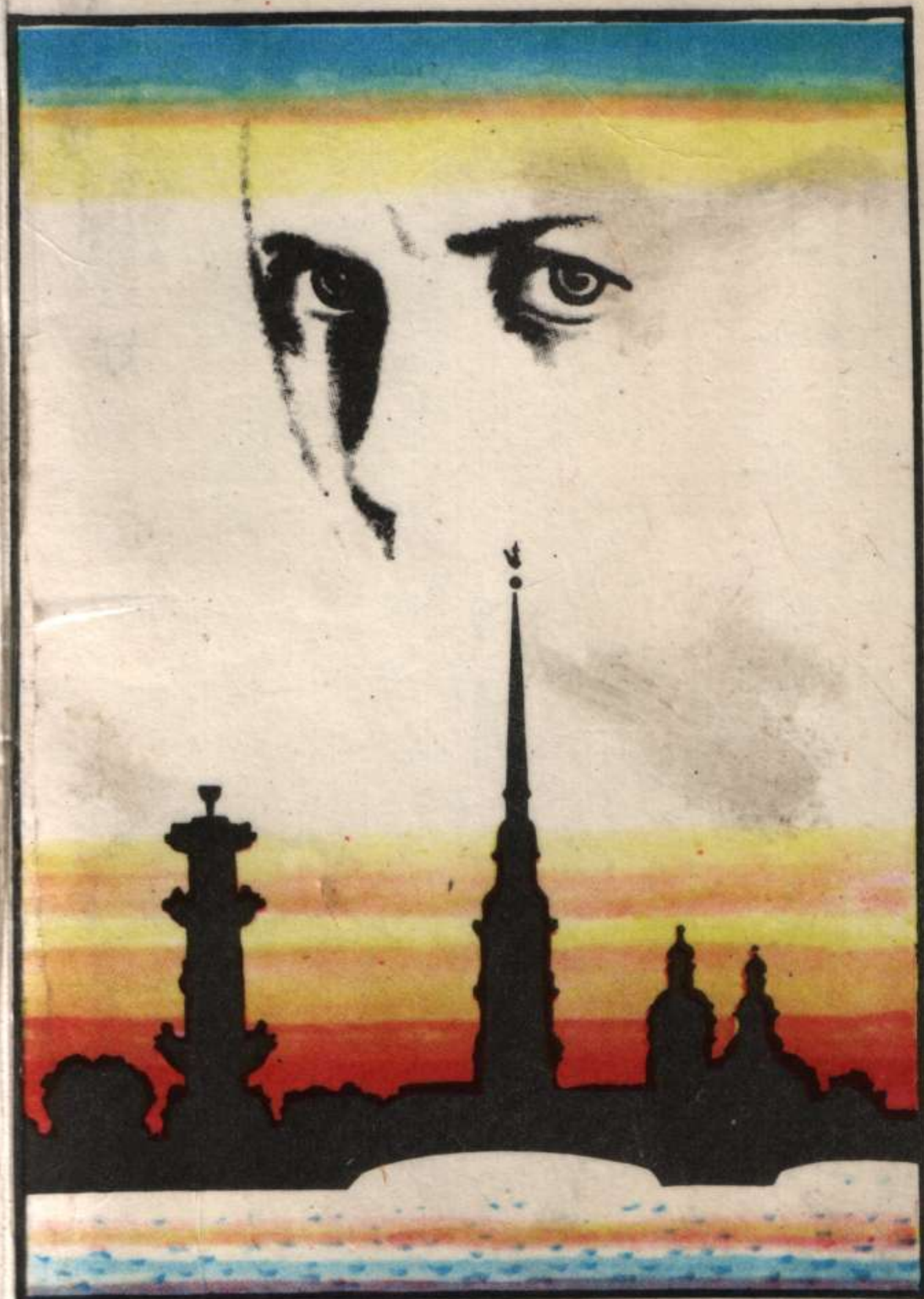

НОВИНКИ · СОВРЕМЕННОСТИ ·

АНТОНИН ЧИСТЯКОВ · ТВЕРДЫНИ

Родословная

Сказали зря, что я не местный,
Что краю этому не свой.
По родословной битв известно -
Я новгородский и тверской,

Московский я и волгоградский...
Под Ленинградом брат погиб.
Есть кровь моя в могиле братской,
В корнях цветущих трав и лип.

И мой отец прошел немало
Земель пылающей страны,
И в клеверах смоленских алых
Она струится с дней войны.

Прапрадед мой с полком стрелковым
Громаду Альп рассек штыком.
Мой пращур был правофланговым
В побоище на льду чудском.

И с той години род наш русский
Не уронил ни разу честь.
В земле смоленской, псковской, курской
Есть капля нашей крови, есть.

Всей родословной утверждаю:
По всей стране вокруг Кремля
Земля нигде мне не чужая,
Повсюду кровная земля.

*

Комфорт комфорту- рознь.
Теперь нам
Подай на том-то этаже...
Не на втором и не на первом –
Мы жили
Ниже -
В блиндаже.

И хоть касались боком бока
И лишь два шага в ширину,
Мы все благодарили бога –
Богатырева,
Старшину.

И яства яствам - рознь.
Лишь пули
Да гильзы желтые вокруг,
А мы у Ладоги,
Ликуя,
Из снега выгребали лук.

Дробили мы,
На льду сбив ногу,
Вкуснейшим хрустом тишину.
И все благодарили бога -
Богатырева,
Старшину.

И мода моде - рознь.
Привычно
Теперь все узкое...
И мне
Заря с ефрейторскую лычку

Казалась в навесном огне.

Обмотки серы, как дорога.
Прошли в них не одну страну.
И все благодарили бога –
Богатырева,
Старшину.

*

Не высокой молнии,
Не грому
И не граду,
Что по кулаку, -
Подражаю
Тонкому,
Льянному,
В рубашонке мокрой стебельку.

Он не рвется к высоте орлиной.
Он корнями раннею весной
Под собой пробил два метра глины,
Чтоб на метр
Подняться над землей.

Земная тяга

Никогда достатка не сулил он,
Муравой подернутый простор.
Погрузился здесь до плеч в суглинок,
Поднимая землю,
Святогор.

Здесь до тридевятого колена
Предки
В глубину веков ушли.

Эхо уходивших неизменно
Доносилось:
«Не поднять земли...»

Били тощий пласт из года в год
Тимофеевки поджарой хлыстики,
И от слабости холодный пот
Выступал на клеверных трилистниках...

Молнией долбила, как клюкой,
Проходя над черствой пашней, туча
И ворчала:
«От земли такой
Человеку
Отказаться лучше...»

Лемеха до гуда напряглись
С тягою земной в единоборье.
Это -
Крепкорукий тракторист
Оперся о край родного поля.

Жарко, как от печки, от мотора.
Сталь широко под ноги стеля,
Богатырь
Съезжает с косогора.
Оглянулся -
Поднята земля.

*

Себя мы не боготворим.
Но мы почти что гении.
Весною яблоки творим
Сочнейшие осенние

Весь день под ветками комки
Дробим граблями длинными,
Рыхлим вокруг стволов круги,
Чтоб соки в ветки хлынули.

Пусть ноет к вечеру спина,-
На ветке в клюве зяблика,
Светясь, Огромная луна
Висит эскизом ялбока.

Жаворонок

Его и не заметишь на подзоле.
В нем нету оперения зари.
Грудастые,
Слепящие, как зори,
В сравненье с ним
Красавцы снегири.

Не запоеет он в тесной,
душной клетке.
И даже куст -
решетка для него.
С громами неба -
Не с покоем ветки
Вступает он торжественно в родство.

Лишь оттолкнется солнечною трелью
От зелени тугих покосных трав,
И, как ракета,
Песня
По ступеням
Взмывает в небо,
Крылья распластав.

Остров Березовец

Остров словно светелка-горенка.
Лес просматривается насквозь.
Что же ты всполошилась, горлинка?
Не воркуй так тревожно, брось!

Замирая в страхе от близости,
Подлетаешь ты,
Еле видна...
Понимаю,
Отводишь хитростью
От берез,
Где бушует весна,

От рябин,
От рябого ольховника,
Где порхаешь над росами ты.
Неужель я похож на охотника,
Что пришел пострелять красоты?!

Не тесна нам с тобой эта горенка,
Этот свежий до хруста свет.
У меня к тебе в сердце, горлинка,
Ничего,
кроме нежности, нет.

Памятник тысячелетию России

Где уносит в вечность храм Софии
Голубя литого на кресте,
В честь тысячелетия России
Встал он на гранитной высоте.

Родину свою увековечив,
Вдохновенный скульптор здесь собрал
Делегатов от веков на вече
На высокий круглый пьедестал.

Надвигались испытанья грозно.
Лязгал танками двадцатый век...
И стонал под сброшенную бронзой
Почерневший новгородский снег.

Бронзовых топтали их в бессилье,
Пятили к погрузке кузова...
Но стояла твердо мать-Россия,
Шла на помощь стольная Москва.

Гром орудий с Волхова до Шпрее
Плыл, как вечевой набатный звон.
Нет, Россию никому трофеем
На позор не увезти в полон...

Бронзовая Русь сияет снова.
Памятнику вечно здесь стоять.
Меч в ножнах у Дмитрия Донского.
Белый голубь сел на рукоять.

Рвусь в луга,

Где в пору их прилива,
Помню,
До бровей входил в траву,
Где отец брал за уши шутливо,
Обещая показать Москву.

Приходил отец с косою мокрой,
И бросалось сразу мне в глаза -
По его одежде с каждой зорькой
Выше подымается роса...

Мне в лицо асфальт московский дышит,
Обняла высокая Москва.
Кто бы взял
Да приподнял повыше,
Чтоб увидеть,
Как растет трава.

Юлька

Эх ты, педант с грошовой лысинкой!
Как смел ты Юльку упрекнуть,
Что приспустила легкомысленно
Бруснику бусинок на грудь!

О нашей Юльке не трещи ты,
Что, мол, в кафе встречал не раз.
Мы знаем лучше -
Крановщицей
Она работает у нас.

Кафе.
Подумаешь, история.
Была.
И раньше всех была!
Она кафе сначала строила.

А после - кофе в нем пила...

И любо нам,
Как мир качается
В стеклянных стенках теремка,
Когда рубильника касается
Рябая Юлькина рука.

В нещадный зной, полунагие,
С низов незавершенных стен
Мы Юльке машем, как богине,
С полдненным солнцем - у колен.

Ты до нее попробуй вырасти,
До высоты брусничных бус,
Посторонись-ка, дай ей вынести
Эпохи груз!

РЫЖИЙ

Всем он взял -
и умом и мастью,
И добротню жильё во дворе.
Но какое же это счастье –
Жить привязанным к конуре?

И когда, разогрев перину,
Утопает хозяин во сне,
Рыжий пес
На свою судьбину
Долго жалуется луне.

Бросив сытый и теплый угол,
Убежал бы в метельную степь!..
Как же так:
Называют другом

И сажают на цепь?

Прачка

Из косынки жмет шипенье
Загорелая рука.
Под рукою - мыльной пены
Кучевые облака.

Перед прачкой - гром прибоя,
Бьются волны об утес.
Как просила, чтоб с собою
В море взял ее матрос.

Он ушел за край Европы,
И она, глуша тоску,
Гонит мыльные сугробы
На стиральную доску.

Весть влетела чайкой с моря.
Пишет ей моряк, любя:
«В качку волны здесь - как горы,
Укачает здесь тебя».

«Что мне качка,- шутит прачка,
- Качка, право, не беда.
Я не прачка, а морячка -
Здесь вода и там вода».

Осень

Октябрь - огневолосый парень
Пришел с колхозного гумна,
Насыпал золота в амбаре,
Прибив дощечку «Семена».

Потом, довольный и счастливый,
Вершил садовые дела.
И встали яблони и сливы
Полукольцом вокруг села.

И в первый раз в рожок пастуший
Не проиграл он на заре.
Наполнив сеном все кормушки,
Коров оставил на дворе.

Тресту льняную сдал он тресту,
Зерно развез по трудовням.
Затем он взялся повсеместно
За установку зимних рам.

И, облысев, в свой день преклонный
Ушел от нас по желтизне.
Оставил озимь лишь зеленой,
Чтоб не забыли о весне.

Потому что люблю

В ракете утром рано
Покину шар земной.
Зари пробитой рана
Затянется за мной.

На миг в полете сгорблюсь,
И все замрет во мне.
Земля за мною - с глобус,
С брусничнику во мгле.

Но звездная пороша
Не заметет следа.
Я послан, но не брошен

Тобой, моя звезда.
Ты, отправляя в небо,
С собою в путь дала
И воздуха, и хлеба,
И света, и тепла.

Вернешь под купол синий
В свою земную быль,
Омоешь теплым ливнем
Космическую пыль.

Вернувшийся под зори,
Земной поклон отдам
И лемехам в подзоле,
И доменным печам.

Люблю тебя такую,
Привычную к труду.
Не надо мне другую,
Счастливую звезду.

Но потому что славлю,
Храню тебя, люблю,
Я вновь тебя оставлю,
Доверясь кораблю.

Прадед

С востока склевывая звезды,
Горланил во дворе петух.
И звонкий рупор из бересты
Включал на улице пастух.

Мой прадед шел за огороды
До каменистой полосы,

И зря манила гроздь смороды
В румяных искорках росы.

Черносмородную окрестность
Он проходил до взгорья в плоть,
Чтоб там ножом сохи отрезать
Подзола черствого ломоть.

Весь день ворочал, словно трактор,
Ходил со свитою грачей.
Глаза черны, но в них - не траур,
А отблеск вспаханных полей.

С сохой шел за Сивкой борзым,
Уставясь в борозду под нож.
И, шелестя аршинным ворсом,
В его глазах качалась рожь.

До горизонта отступала
Кремнистая гряда межи.
За острым клинышком орала
Он видел клин тяжелой ржи.

Пуды - другим,
а сам - с фунтами.
И обувь плел он, а не шил...
Он золото свое в фундамент
России нынешней вложил.

*

Колхозный сад наш выглядит чудесно.
Особо накануне сентября,
Когда в саду плодам тяжелым тесно
И на боку у каждого - заря.

Выходит к нам из яблонного тыла
Сутулый дед, неся в руке огонь.
Пылающее яблоко закрыло
Коричневую дедову ладонь.

Его ладонь и не заметишь сразу,
Щербатую, в порезах, с чернотой,
Поставившую яблони, как вазы,
Наполненные спелой красотой.

Сердца солдатские

Трудно против каленых ветров
В наступленье идти, на смерть,
С боем брать пятьсот километров
И ни разу не умереть.

С долгим стоном валились деревья,
Желтым прахом в глаза пыля,
Остро пахла древнею Тверью
Развороченная земля.

Одевались пламенем дали,
И сердца нам захлестывал гнев -
Там за рванью колючей стали
В муках - Старица,
В пепле - Ржев.

О колючки шинели поролись,
Огрызались враги впереди
И ловили в прицельную прорезь
Наши пуговики на груди.

Зеленел небосвод от угара,
И от крови вздувалась Тверца.
Под огнем по земному шару

Гулко били наши сердца.

Мы вставали, чтоб линию фронта,
Отбивая за пядью пядь,
Вновь за линию горизонта
С трудным боем отодвигать.

Колокола

На шапке - мороз январский.
Как шрам, под ногами - тропа.
А сзади - немецкие каски –
Железные черепа.

Гестаповец льстиво встретил:
- Показывай чудо литья. –
Старик новгородец ответил:
- Не выдам колокол я.

Потомкам на диво и радость
Обвили его мастера
Пудовой лозой винограда
Из меди и серебра.

Надежно мой Новгород вольный
Укрыл знаменитую медь.
Не будет металл колокольный
В под сумках германских звенеть.

Соборными били ключами,
И кровь по морщинам текла,
В своем тайнике молчали
Стозвонные колокола.

Чтоб минуть вагранки вражьи,
Они от великой беды

На дно опускались с баржи
И в рот набирали воды...

А в полночь над бором Перуна
Взорвался покров тишины,

И лопнули сосны, как струны,
Задетые вихрем войны.

Осколки уральской стали
Ударились о купола.
На волховском дне зазвучали
Стозвонные колокола.

Железный холмик

Вбивал здесь в рябину осколки, как гвозди,
Войной оглушенный холодный рассвет.
И падали ягод рябиновых грозди
На марлю повязок, на вмятый лафет...

Теперь у туристов, идущих на запад,
На месте, где холмик железный нарыт,
Магнитная стрелка вздрогнет внезапно,
К могиле свое острие преклонит.

Сердца преклонятся.
Безмолвна могила,
Но сердцу расскажет холодная твердь,
Какая рвалась к нему лютая сила,
Какою ценой остановлена смерть...

Не дрогнет над холмиком белым рябина,
Багряные грозди держа на весу.
Накинув плащи из брезента на спины,
Дежурят ракеты в ближайшем лесу.

*

Выстрелил фашист в бойца с разбега,
Но закрыла воина ветла:
Пуля вместо сердца человека

Сердцевину дерева прожгла.

И когда того солдата внуки,
Городские наши малыши,
Деревцу заламывают руки,
Ты пройти, товарищ, не спеши.

Им мораль читать тебе не надо,
Ты о дереве скажи тепло:
- Не губите дерево, ребята,
Человека дерево спасло!

*

Поднимаемся мы
На зеленый бугор.
За холмами - холмы
До валдайских озер.

И у глаз твоих даль
Засинела каймой.
В синей дымке Валдай
И цветы с синевой.

Ты у синего озера Пироса
Синеглазой такую выросла.

В белой роще река
Подмывает песок,
И вода мне сладка,
Как березовый сок.
И послать ты вольна
Сквозь березовый свет -
И цветущего льна
Набираю букет.

Ты в селе за рекой Березайкою,
Видно, стала такою хозяйкою.

Буйный ветер нашел
Нас с тобой над рекой.
Ты взлетевший подол
Укротила рукой.

Сорвала стебелек,
И в губах он торчит.
Стебелек-василек
Ненадежный твой щит.

У студеного озера Пироса
Ты такой недоверчивой выросла.

*

Придет любовь –
Нет краше доли...
Прощает все:
На том стоит.
И лишь в своем пречистом доме
Она соринки не простит.

Она не требует гарантий.
Она гарантий не дает.
Уйдет любовь -
Себя карайте,
Не предъявляйте
Поздний счет.

*

Мы - не одни.

Но мы вдвоем в вагоне.
Твой плащ в горошек -
На моей руке.
С тобою и легко
И нелегко мне.
Ты целый час мне - все о той реке,

Что в бешенстве бросается на скалы...
А рядом - блики солнца по плащу.
Ты в необычном красоте искала.
А я ее в обыденном ищу.

Ведь что ни шаг -
Обыденное в мире.
И хочется мне встретить впереди -
Еще до той реки -
Ручей пошире,
Чтоб на руках тебя перенести.

*

Не хочу я никакого чуда,
Кроме чуда
Утром встать к пяти,
Не включая света,
Чутко-чутко
Комнатой на цыпочках пройти.

Тихо,
Не дыша,
Перед уходом
В зыбку раньше солнца заглянуть,
Поворчать на серую погоду
И по лужам -
В недалекий путь –

На работу,
Самую простую,
Где совсем не важно,
Кто такой, -
Важно:
Дело,
Если не приду я,
За меня не сделает другой...

Встретить в том же званье
Человечьем ,
Свой далекий вечер на земле...
Пусть таким же утренним в тот вечер
Будет чудо,
Выпавшее мне.

Валдай

Гой еси, столица гулкая
Колокольных лет,
Валдай!
Отгремевшую под дугами
Мощь стозвонную мне дай.

Где твои гремки-бубенчики,
Что за горы и леса
Мчались трактами извечными?
Иль осипли голоса?

Или слава их кончается
На твоих холмах, Валдай?
Мчусь по ним -
Заря качается.
Что же ты молчишь,
Мой край?

В межисточье рек высоком
Туча дальняя на холм
Навалилась синим боком,
Заворочался в ней гром.

И петух,
Ударив шпорами,
Рад старинкою тряхнуть,
Над боками медноперыми
Вскинул колоколом грудь.

И пасутся за околицей
Колокольцы в звоне трав.
Небо колоколом колется,
Раскачавшимся в ветрах.

Бьют серебряные кончики
Полуденного дождя
В кромки синих колокольчиков,
В свете молнии блестя.

Под мостками все напевнее
Рродниковый льется май.
Мчусь полями,
Мчусь деревьями.
Ты - навстречу мне,
Валдай.

Снялся, кажется, всем городом
И по гулкой столбовой
На рысях гремишь,
Как колокол,
Ты под радугой-дугой.

Заповедник Ярославово дворище

Забил все церкви запах сена.
Идет прокосом человек.
То тень креста,
То тень антенны:
Десятый век,
Двадцатый век.

Века пред ним -
Как на экране.
В руках,
Как маятник,
Коса.
И солнце так же,
Как и ране,
Обходит справа небеса,

И кажется, с крыльца резного
Спустился мудрый Ярослав
И тень хозяина хромого
Качнулась на раздолье трав.

И все - при нем...
Лишь на мгновенье
От солнца справа вырос гром,
И самолет все эти тени
Соединил одним крылом

Боровичи

Здесь человек до первых грамот
Пещерный свод крепил сосной.

Ему зарю последний мамонт
Трубил в бору над быстрой Мстой.

Рубили дом боровичане
Высок в светелке и в сенцах.
Венцами гулками венчали
Дом о шестнадцати венцах.

С холма во Мсту - метелью стружки.
Суля бессмертие в миру,
Не молкли щедрые кукушки
В резьбе на окнах и в бору.

Боры - для плотника обитель.
Он не щадил святыни те.
И, помогая строить Питер,
Свои боры сплавлял по Мсте.

Через ревущие пороги
Их вел отпетый парень-хват.
Круты валдайские отроги,
И город нравом крутоват.

Когда, хвоей осыпав кручи,
Он вырубил последний бор,
Из-под корней его могучих
Истоки взял огнеупор.

Успел одеть огнеупором
На всю округу - белый свет...
А утверждают, будто город
Живет на свете двести лет.

Сиротский Бугор

Сиротский бугор.
На вершине в бору
Под солнцем сынишке
Малину беру.

Грядую во мхах –
Валуны под бугром.
И что-то заныло
Опять под ребром

Сиротский...
Сиротский...
Сиротский бугор
Невесело назван.
С каких это пор?

И шепчет малинник:
«С тех пор, как надел
С парнишкою вместе
Осиротел.

Был холмик в болоте
Для пашни негод,
И в колос не вышла
Сиротская рожь.

В деревню
Рассохшуюся соху
Тащил на себе
Меж коряжин по мху.

Сходил на погост,
Где схоронена мать,

И в Питер уехал
Работу искать...

Но где там работа?
Семнадцатый год!
Вручил ему в цехе
Винтовку завод.

Костлявый солдат –
Как покойный отец –
Прокашлял:
- За землю -
На Зимний дворец...

И зернами ржи
По ступеням дворца
Запрыгали под ноги
Дольки свинца.

Взглянул он
На белых богинь -
Из-за спин
Зрачок пистолета
Его ослепил.

Погасли в глазах
Изразцы, серебро,
И мрамор ударил
Ребром под ребро.

Винтовку в руках
Не поднять - тяжела,
Как глина бугра,
Что во мхах у села...»

Я тихо спускаюсь

К селу по бугру,
В бугринках-кровинках
Малину беру.

Корнями глубоко
Малина выросла...
Малина,
Малина,
О, как ты красна!

Сушилово

Ах, сколько деревень у нас в России
Глядит с холмов и круч береговых!
Люблю я все деревни,
Все красивы,
Но вот тоскую по одной из них.

За то, что на сухом, высоком месте
Построилась она меж трех болот,
Уже давно,
Наверное лет двести,
Зовет ее Сушиловом народ.

Она не щедро подавала нищим:
Скупа была кормилица-земля.
И здесь под перелатанною крышей
Однажды осенью родился я...

Ступил я за порог, и мне впервые
Она своей открылась красотой:
Вошел я в лен, и лепестки льняные
Сомкнулись, словно небо, надо мной.

Я рос счастливым, как и все мальчишки.
Я приносил с ватагою друзей
Из ельника чешуйчатые шишки,
С озера - золотистых карасей...

Потом я печь нетопленную помню...
Да зеркало, закрытое холстом,
Да в сумерках холодную часовню,
Да комковатый холмик под крестом,

Да под осенним небом говор горький
Про чье-то сирое житье-бытье...

Так укатилось обручем под горку
Мальчишество вихрастое мое...

В отъезде жил я далеко и близко.
Немало перевидел городов.
Менялась постоянная прописка,
И истекали сроки паспортов...

И вот вдали - знакомые деревья,
Рассвет и дым над каждой избой.
Сушилово,
Родимая деревня!
Прими как сына,
Я опять с тобой.

Ждала меня, надеялась - вернусь я
На лоно голубого волокна,
И вот твои луга звенят, как гусли,
Под струнами разостланного льна.

В студеных росах возле ног струится
И свет и крепь твоих завидных льнов...
Давно слышал я:
Дважды лен родится.
Мне кажется -
И я родился вновь.

*

Стоит избушка,
Курьи ножки,
Что корни,
В холм давно вросли.
Дремучий хмель оплел окошки.
Попробуй вырви из земли.

Иду к ней от косилки ночью.
И не туман за мною, нет...
В портах из отбеленной точи
Стоит за мной покойный дед.

Стоит с косой.
Вот-вот коснется
Стального лезвия брусок,
И из окошка отзовется
Покойной бабки голосок...

Вокруг меня - туман и звезды.
Вхожу.
Сгибаюсь.
Козырьком
Не сбить бы ласточкины гнезда
У матицы под потолком.

Не запирая дверь,
У печки
Пиджак, часы кладу на ларь.
На сене сплю один в заречье.
Спокойно сплю:
Здесь царь -
Косарь.

Новгород

Здесь бьют века в колокола.
Над куполами - купола.
И наравне с полетом птиц
По кругу - прорези бойниц.

За ними Волхов с Волховцом
Легли двойным полукольцом.
По кругу - вал,

По кругу – ров
От вражьих орд и орденов.

Здесь колыбель Руси.
Над ней
Здесь кремль,
Как щит,
До наших дней.

*

Он полз в шинели по-пластунски,
Полз через минные поля,
И пуговики на ней не тускли:
Земля их драила,
Земля.

Впритирку с ним -
Песок и глина...
О, как подняться б ныне мог,
Когда б ему осколок мины
Навылет сердце не прожег.

И первый ком скатился тяжело
На грудь...
Мне памятной всех звезд
Звезда,
Что светится на пряжке
От взятых по-пластунски верст.

Блокадная
Пеструха

Олегу Шестпинскому

Умолк бетонный череп дота,

И от горящих изб к нему
Брела Пеструха,
Словно брода
Искала ощупью в дыму.

В снег окровавленный корова
Дышала,
И от стужи ей,
Дрожащей,
Мокрой,
Вместо крова
На спину бросили шинель.

В пути,
Рукав с пятном ожога
Покачивая на боку,
По-человечески глубоко
Она вздыхала по телку.

И, пропуская в мерзлый город,
Ей вслед вздыхали патрули.
Голодной купола соборов
Казались копнами вдали.

Отвыкшая с ладони хлеб есть
(Здесь детям - пайка с коробок),
О Петропавловскую крепость
Она чесала пестрый бок.

Стояла у стены степенно,
С опасной южной стороны,
Когда снаряды рвали стену,
Зенитки били со стены.

И за тревожный день впервые
Здесь -

На гранитном пустыре -
Соски, набрякшие, тугие,
Доверила лишь медсестре.

Сводило судорогой тело,
Но, мертвой стыни вопреки,
Под выменем ведро теплело,
В ведре шипели пузырьки,

Парное подымалось солнце
Все выше, выше, к ободку.
И из ноздрей парные кольца,
И шире талый круг в снегу...

Пока надежды не иссякли,
Чтобы спасти наверняка,
Сестра прописывала капли,
Ребенку -
Капли молока.

Два Федора

Памяти
моего отца
Чистякова
Федора Петровича,
связиста 781-го арtpолка

Сын в отца -
Отцовская удача.
Первенцем гордясь,
Сказала мать:
«Потому малыш так много плачет,
Чтоб мужчиной слез не показать».

Именем отца его назвала.

За отцом в лугах он бегал бос.
А Европа в каске к нам шагала -
В край, где Федор Федорович рос.

Яркие соцветья луговые
Теплый полуденный дождь гасил,
И за свой крестьянский век впервые
У речушки луг не докосил.

Был закат красней и громче меди.
Стыли реки,
Полные свинца.
«За меня ты остаешься, Федя...
Ну, а если...
Не забудь отца».

Лесом взрывов шел отец недолго.
Стали алыми его следы.
Чтоб увидеть сына,
Глянул в Волгу:
Сын с отцом -
Две капельки воды.

Штаб на извещение о смерти
Ставил треугольную печать...
И пришла такая боль в конверте -
Никогда б тех строчек не читать!

Слез не показал.
От Волги Федор
Путь прошел
Отцовский
До конца,
Пот отер,
Взглянул в спокойный Одер -
И живого увидал отца.

СВЯЗЬ

Я - между вами,
Мой отец и сын мой:
Мне - сорок,
Я соединяю вас.
О, как враги на всей планете ныне
Хотят,
Чтобы порвалась эта связь.

И на волне короткой засвистели
Остывшими осколками войны
И на разрыв нас пробуют:
Мол, цели
Не видит сын из-за моей спины.

А мы - не друг за другом.
Мы - шеренгой.
И фронт у нас -
Развернутый -
Один.
И высоту берем на марше века:
Отец мой справа - я - и слева сын.

Слабеет пульс отца...
И в миг последний
Я строй равняю,
Справа становясь.
И молодость
Вступает в возраст средний.
И действует
Бесперебойно
Связь.

Осколок

Я под огнем постигнул скоро,
Что каска все-таки броня.
Не прорубив ее,
Осколок
Упал на отмель близ меня...

Давно в свой полный рост без риска
Я здесь хожу.
И вдруг ко мне
Бежит малыш по пояс в брызгах
С осколком,
Найденным на дне.

В его руке мелькнул он кромкой,
Как отблеск давнего огня.
И кажется,
Попал в ребенка
Осколок,
Метивший в меня.

Еще не раз бывшее грянет,
Лишь в память спичку оброни,
Пробьет года
И сердце ранит,
И нету от него брони.

*

Мой добрый врач,
Я знаю,
Ты талантливый.
И руки - золото,
И многотрудный стаж.
И все же...
Все же

Никакой гарантии
Ты сердцу моему не дашь.

Советуешь ему среду другую,
Спокойную.
Ну что ж,
Благодарю.
Но, понимаешь,
Сердце не могу я
Укрыть от вихрей времени в броню.

И так ряды в атаках поредели,
Сердца друзей -
Под каждой высотой.
Так пусть мое
На роковом пределе
Толкает кровь
Орбитою крутой.

Пусть за живых
Гудит оно в тревоге,
Последний трудный делая виток...
О нет!
Пока я в мире,
не в морге,
Мой добрый доктор,
Пожелай тревог!

Русалии

Брату Федору

Русалии –
Так древние
Свой праздник нарекли,
Справляя всей деревнею

Поминки у реки...

Справляем мы русалии
По матери с отцом.
Вино и снедь расставили
На дерне под крестом.

В земной своей обители
Здесь мать лежит одна.
Жаль, рядом нет родителя:
Разрознила война.

Он - под шинелью каменной -
У шумного шоссе.
В сторонке царство мамино -
На островке в овсе.

Сидим.
Дождинки капают
В стакан с вином.
Я пью.
А ель косматой лапою
Сорит в мою кутью.

Мы пьем за то,
Чтоб русые
Сыны в отцов росли,
За землю нашу русскую –
Надежду всей земли.

Подбадриваю брата я,
Что три державы спас...
В победный май -
Девятого -
Русалии у нас.

Рисунок

Бомбили деревню Селищи.
Сгорела, как свечка, в мороз.
Пришел мальчуган с пепелища
И уголь остывший принес.

Штанишки на лямках, рубаха
Да серые щелочки глаз.
В них пепел недавнего страха
Еще не остыл, не угас.

Достал из карманишка уголь
С чернеющим острым углом.
Забился с тетрадкой в угол,
Шуршит по бумаге углем.

Рисует он дом и крылечко
И тоненькое -
Как намек -
Над крышею дома колечко:
То ль солнышко,
То ли дымок.

И горе в глазенках - на убыль.
Мальчишка сопит над листом,
И дом,
Превратившийся в уголь,
Опять превращается в дом.

*

Не вернулся.
На письме последнем
Вместо штемпелей
Отметки пуль...

Но любовь солдатская
Посмертно
Продолжала на земле свой путь...

И в свой срок
Под накипь белых вишен
На ее заветную скамью
В парк приходят сыновья погибших,
Дочери подкошенных в бою.

Здесь, как прежде, в уголке укромном
Ветками завешена скамья,
И поет им радиоприемник
На коленях - вместо соловья.

Здесь любовь
Отцовскими глазами
Смотрит в мир,
Собою тлен поправ,
Чистая,
Как полковое знамя,
Строгая,
Как воинский устав.

Терентий

Комнатку ему отхлопотала:
Пусть отец, мол, как в раю живет.
Только в ней Терентий пожил мало:
Печь ему не та
И хлеб не тот...

Извелся:
Вокруг земля-сердяга
Под асфальтом,
Каково-то ей!

И ушел:
Видать, земная тяга
В немощном их краю сильнее.

Возвратился он в свою деревню.
Встал над кручей -
Выше городов.
С посохом,
Как альпинист,
Терентий,
Ничего, что вышел из годов.

Ликом стал давно темнее риги.
Бородой давно белей зимы.
Перед ним,
что хлебные ковриги,
Дышат в небеса его холмы.

Перед ним,
Взывая о подмоге,
Громыкает вся земля, как ток,
И возами к скирдам на дороге
Стрелки налинованы у ног.

С высоты достав до леса тенью,
Надышавшись зрелой высотой,
Домотканый холщевой постельник
Он набил соломою ржаной.

Жить не может,
Умереть не может,
Никакой не признает судьбы
Без уюта,
Пахнущего рожью,
И без русской печки в пол-избы.

*

Дерево,
В крошечном синем громе
С молнией сплетаясь,
На горе
Напрягло все веточки,
Все корни
Так,
Что пот -
Ручьями по коре.

Обгорев,
К закрывшей небо туче
Кроной однобокой,
Как радар,
Поворачивалось на стволе скрипучем,
Чтоб очередной принять удар.

В бивни града каждой веткой било,
Град раскалывая на лету...
Всё в увечьях
Дорого платило
Дерево
За эту высоту.

*

Да, тишина космически огромна,
И в ней любой микроскопичен гром.
Ты разговариваешь слишком громко,
И потому тебя не слышит дом.
А ты попробуй тише,

Тише,
Тише...
И к людям речь
На цыпочках вводи.
Звучаньем слова
Не буди детишек.
Значеньем слова
Взрослых разбуди.

Память

Чем старше я,
Тем чаще память
Зовет в березняковый дол,
И хочется мне все оставить,
Вернуться в избу,
Сесть за стол,

Чтоб стыла корка паровая,
И к ней тянулось восемь рук,
И на столе от каравая
Остался только теплый круг...

И вот уже на санках с кручи
Лечу,
Врезая два следа
В реку,
Где продолженьем суши
Зимою -
Твердая вода.

И вижу мать -
Еще живую, -
Она с корзиной бельевою,
Сгибаясь ивовой лозою,
Меня с горы зовет домой.

И по морозному проселку
Бегу.
Не верю сам себе:
В углу переднем вижу елку,
Впервые выросла в избе.

Мне Дед Мороз дает конфеты,
Качая белой бородой.
Его уже я видел где-то,
Но только был он молодой.

И я, когда сомненье вкралось,
Узнал соседа в старике.
Его приклеенная старость
Осталась у меня в руке...

Сосед-избач, затейник юный,
Сейчас бы на тебя взглянуть!
И вслед за неумной думой
Я отправляюсь в дальний путь.

И у крыльца избы-читальни
Меня встречает Дед Мороз.
На бороде - снежок хрустальный
И две живые капли слез.

И неизбежно слово:
«Помнишь?..»
И шутит молодо сосед:
«Ты бороды теперь не сдернешь:
Она не брита тридцать лет».

А я все чуда жду упрямо.
Стою,
И кажется:

Вот-вот
За мной придет из детства мама,
Домой,
Как прежде,
Позовет.

Деревня

Как скирды ржи, желтели крыши.
С порога в рожь вела тропа...
И вот из окон солнцем брызжет
Шестиэтажная изба.

Деревне очередь настала
Переезжать под облака.
Не за стеной, за три квартала -
Коровьи теплые бока.

А петухи за лесом где-то.
Чуть свет - будильники поют.
Ушел соломенный воспетый
Извечный дедовский уют.

И безработные ухваты
Времен Ивана Калиты
Стоят - ни в чем не виноваты -
В углу у газовой плиты.

И сохнут ведра по колодцу,
И душ подсолнухом цветет.
И дождь парной домашний льется,
Смывая с плеч и гарь и пот.

Многоэтажный запах хлеба
Дробится в дождевой пыли...
Деревня,

Поднятая к небу,
Не оторвалась от земли.

*

Окно в Европу...
Ночь луну включала,
И до глубокой полночи волна
Луну растягивала на горбу,
Качала, -
И все ж была Европа не видна...

Здесь светоносцем-крейсером
С причала
Тьма коронованная
Сметена...
Не раз Европа так в окно стучала,
Что стекла вылетали из окна...

В широких переплетах из гранита,
Пролетами зари застеклено,
Водой речною и морской омыто,
На всю планету
Светится окно.

*

В поэзию приходит пополнение...
Мне говорят:
«Все о войне твой стих...»
А я не о войне -
О поколенье,
От имени погибших и живых.

Досталось поколению моему:

Закончило,
Испытанное сталью,
Сначала с Золотой Звездой
Войну,
А после - школу
с золотой медалью.

НОВЫЙ ДОМ

С холма скатили и вкопали
Четыре камня под углы.
Под ветром, как на пьедестале,
На валунах венцы светлы.

Гудят над стенами стропила.
Еще вся кровля - на возу.
И мы у лестницы столпились,
Опередить решив грозу.

Отец и братья с молотками
Входили прямо в облака.
Я бредил тоже облаками,
Да не хватило молотка.

Я подавал им с воза дранку.
Смеялись: мало, мол, годков.
Воскресным утром спозаранку
Стучало восемь молотков.

Ударил гром в ангар напротив...
И старшие ушли на фронт.
Я вверх полез,
Пиджак набросив,
И мне открылся горизонт.

Задымлен взлетной полосой,

Облеплен прядями волос,
Я подымался над грозой...
Впервые чувствовал, как рос.

Раскаты фронтового грома
Перекликались с молотком...
Докрыв свой дом,
Ушел из дома,
Оставив детство за холмом.

Рост

Помню,
В строй я встал
Без подготовки,
И в солдатской книжке старшиной
Рядом с длинным номером винтовки
Рост записан был - нестроевой.

Помню
Боевой свой первый выстрел,
Амбразуру с видом на Неву...
Первый раз
С песком
Винтовку чистил -
Да простят за давностью вину.

Тот песок засел в прицельной рамке,
Раскаленный взрывом добела...
Ниже всех был с ней
На левом фланге,
Равною другим
Она была.

Над виском сходясь,
Синели грани.

Опираясь на ее металл,
Я в строю
В блокадном Ленинграде
На блокадном хлебе выростал.

На цевье
До блеска огневого
Насветлил рукой
Зарю полос...
Так вот и дорос
До строевого,
До штыка до своего дорос.

Руки

Обременяться знаками различий
Я в годы фронтовые не спешил.
Погоны снял -
Ни звездочек,
Ни лычек.
Лишь руки -
В лиловатых лычках жил.

Что ни предскажут по рукам гадалки,
Не обделен мой древний рад судьбой.
На них чертою -
Бой на речке Калке,
Другой чертой -
Чудской ледовый бой.

Не им надгробным стал Вороний Камень,
Не им Воронья каркала гора...
И над стропилами они сверкали
Не камнем перстня -
Гранью топора.

Их уравнивали рукоятки плуга,
И не слабее левая рука:
Нет ничего надежней их для друга,
Нет ничего страшнее для врага:

Порукой в этом - клинопись ранений.
А сверстник мой пришел с войны без рук.
В сравненье с ним...
Да что тут все сравненья!
В сравненье с ним
Нет у меня заслуг!

Труба

Качнулся дом.
Воронки зачалили.
На крыше,
Что ребриста и ряба,
Со всех сторон -
Опасны все четыре -
Мне лишь одно укрытие -
Труба.

Разрыв шрапнели в небе -
Ватой бурой.
Теперь - ни шагу вниз от рубежа,
Где окна превратились в амбразуры
И в трещинах четыре этажа.

Под ребра кровли
В тес вошли осколки, -
И стало жутко на ее горбу:
Вошли бы мне под ребра,
Если б только
Мгновенно
Не укрылся за трубу.

Дистанция до сердца все короче,
И пот холодный капает со лба,
И чувствую:
Вдали
Нацист наводчик,
Злорадствуя,
Картавит:
«Р-рус тр-руба!»

Кирпич то щебнем,
То колючей крупкой.
Правей...
Левее рвется высота.
Кручусь с биноклем,
С телефонной трубкой
Вокруг четырехгранного щита.

Кручусь,
Кричу в охрипший диск мембраны
Над полем,
Где столбы земли густы.
И, в горячах не ощущая раны,
Веду огонь
Со смертной высоты...

Обстрел закончится еще не скоро,
И быть на высоте -
Моя судьба.
И я держусь прочней огнеупора.
На скаты крыши
Крошится труба.

Пайка

Она - с брусок.

Муку ледовой ниткой
Везли всю ночь,
Как порох,
Под чехлом
По адресу,
Где длинный ствол зенитки
Прикрыл хлебозавод
С печным огнем.

Прикрыл,
Чтоб не сожгло внезапно небо
Блокадный хлеб,
Что с привкусом земли.
И не забыл я вкус той пайки хлеба,
В которой мне осколок принесли.

Осколок тот,
Когда гостей встречаю,
Как драгоценность,
Ходит по рукам...
Металлу я
И хлебу
Цену знаю,
И помню я,
Чему равнялся грамм.

Василеостровский ангел

От бомб, что рвали Ленинград, не бог ли
в открытом небе ангела хранил?
Над куполом он в окоем бинокля
едва вмещался кончиками крыл.

В лиловом гипсе наледи блокадной,
крыло держа,
как щит,

у головы,
обрызган позолотою закатной,
не покидал опасной синевы.

Не мог от церкви он
под вой сирены
приваренную оторвать ступню.
Язычником
с мольбою о спасенье
он кланялся зенитному огню.

Его земные озаряли вспышки.
Ему казалось:
уж не бог ли сам
стоял с биноклем
на соседней вышке
и бил по крестоносным небесам!..

А бог так юн!
Еще ни разу не был
в музеях затемненных городских.
Дивился он под затихавшим небом
крылатому творенью
рук людских.

Родство

Околдован Русью.
В этом - грешен.
И не каюсь...
Я родством богат,
И прошел я пол-России пешком,
И листал я липецкий прокат,

И колол я мрамор скал иркутских,
И грузил я новгородский лен-

Счастлив,
Что вскормлен землею русской,
Родниками русскими вспоен,

И горжусь,
Что от рожденья русский,
В вечном, несмолкающем бою
Не по скулам -
Широки ли, узки -
Друга и врага распознаю.

Потому на Волхове когда-то
Встал Джалиль,
Рванув кольцо в дыму, -
И, вращаясь,
Круглая граната
Шар земной напомнила ему.

Потому в году моем блокадном,
В госпитале,
Взятом под обстрел,
Дал я кровь карелу, -
Стал мне братом,
Кровным братом
Стал солдат-карел.

До последнего удара сердца,
Хоть и рода мы не одного,
Мы - собратья,
Мы - единоверцы,
Цвета
Партбилета
В нас родство.

С этой верой посреди грозы я
Не унижу русой головы.

И в глазах не смеркнет свет России,
Ильменской славянской синевы.

Я и погребенный,
С пулей в сердце,
Синими цветами прогляну,
Предавшего род свой --
Отщепенца -
Именем России
Прокляну.

Под Вечным огнем

Памяти братьев:
Коли Ефимова
Васи Ефимова
Яши Ефимова
Яши Никитина
Жени Туманова
Вовы Шульгина
Юры Яковлева

Мне полюсом Печали -
Пискаревка.
Гранита нива.
Тяжела она.
Кладу цветы на каменную бровку.
А в сердце Пискаревка -
Не одна...

От берегов Невы
До Прикарпатья,
Чуть ниже колосющихся полей,
Лежат мои двоюродные братья
В полях под сенью
Каменных аллей.

Семь чаш огня -

Их вечное созвездье.
Все семеро
Остались под огнем
На этой братской линии бессмертья,
На отчем полушарии своем.

Все семеро
Навечно опочили
За отчий кров
И млечный свет росы.
За долгий взлет
От пасечно-пчелиной
До ядерно-космической Руси...

Ах, сколько полчищ
Нам бросало вызов!
И, видимо, угодно так судьбе,
Страна растила
В многодетных избах
Своих солдат
В плечах под стать себе.

Им пятистенки новые рубила
Крестьянская семья не для войны,
А для любви - под самые стропила,
И света в окнах - на три стороны.

Но женихов не дождались светелки.
Гранит
Над холостыми
Да цветы.
И все их нерожденные потомки
Навечно –
По ту сторону плиты...

Хватило нас

На семь полей гранита,
Где тесно так,
Что негде лечь зерну.
Гранитных нив
Довольно нам,
Пусть жито
За ними занимает целину!

Тюльпаны

Проспект Добролюбова...
Здесь до блокады
Краснели тюльпаны
Под синью стекла.
Стекала заря в них...
Вдруг вздрогнули гряды -
И кровь у воронки
В тюльпаны текла.

Навстречу налету
Со дна котлована,
Над брустверной
Рыхлой подковой его,
Взошли здесь
Четыре железных тюльпана -
Звукоулавливатели
ПВО.

Под сферой прожектора
После обстрела
Искрилась зернистая
Наледь стекла.
Горели тюльпаны
Под марлёю белой.
Зима урожайною
Ими была!..

Все тот же проспект...
Только где ж это место?
На месте теплицы –
Спортивный дворец.
У стенки -
Цветы из тепличного треста,
А где этот трест -
Суть не в нем, наконец.

У стенки стеклянной -
Девчонки румяны.
В руках полнокровно
Тюльпаны цветут.
-Тюльпаны!
Тюльпаны!
-Живые тюльпаны! -
Не тех ли тюльпанов
Нашествие тут?

Сквозь память,
Сквозь призрачный гул канонады,
Из рук - как из лука -
Их алый салют:
-Тюльпаны!
Тюльпаны!
-Не надо!..
Не надо!.. -
Боюсь, наклоню их -
Вдруг землю зальют.

Первый курс

Погоны сняв
И звездочки с ушанок,
Ослабив чуть солдатские ремни,

На первом курсе мы тогда, пожалуй,
Все были перед будущим равны.

Тебе я слал лирические письма
Недалеко - всего за три стола.
Но, зная, характерами не сошлись мы
И внешность слишком рядовой была.

Шутила ты:
Соперник мой - в папахе!
И улыбалась мне светлым-светло...
Я понял, что стихи - плохие свахи
И что в любви - увы! - не повезло.

Ты говорила: выбор - дело вкуса.
И накануне свадебного дня
Тебя удачливой сочло полкурса,
Полкурса - неудачником меня...

Давно уже ты замужем,
И выбыл
Давно я из поклонников твоих.
Но почему ж на неудачный выбор
Ты сетуешь и в том винишь других?

Ты говоришь,
Могло быть все иначе...
Нам доказали зрелые года,
Что счастье иногда - от неудачи,
А от удачи иногда - беда...

Как ждал тогда...
Теперь и вздох тревожный
И эти поздние твои слова!
На первый курс вернуться невозможно.
И без любви

Ты замужем -
Вдова.

Кронштадт

В открытом море
Нелегко держаться,
Но островная держится земля.
Здесь самые бывалые кронштадцы-
Петровские дубы и тополя.

Темны деревья -
Словно на гравюре.
Их твердая кора
Броне сродни.
Как корабли
Во время шквальной бури,
За грунт Корнями
Держатся они.

Известен остров
Стойкостью
Издравле.
Его матросы говорят не зря:
Здесь якоря могучи,
Как деревья,
Здесь все деревья
Словно якоря.

*

О, не черни карандашом бровей
И не гаси в лице своем веснушек:
В них что-то от ромашковых опушек,
От света колосющихся полей,

От солнечного вешнего разлива...
Не погаси себя в глазах любви.
Рисуясь в них и броско и красиво,
Их зрения - не оскорби.

*

Ты въяве ль была
Иль в цветном кинофильме?..
Открылся широкий озерный экран.
С угла ты прошла байдаркою Ильмень,
Крылами весла помогая ветрам.

Отжала намокшую русую косу
И, лихо крутнув,
Как пропеллер,
Весло,
Мне знак подала от закатного плеса,
Что к дому пора тебе:
Солнце зашло.

И дрогнула рядом смоленая веха,
И рябью подернулся ильменский дол,
И ветер-шелоник со свистом и смехом
Меня поозерьем вечерним повел.

И стал этот берег июльский не мил мне:
За Ильменем солнце упало в Шелонь,
И ты с ним умчалась в байдарке за Ильмень,
Веслом из волны высекая огонь.

Луч

Я всякий раз,
Когда вокруг остуда

И нечем разорвать наплывы туч,
В блокаду возвращаюсь и оттуда
Командую тебе неслышно:
- Луч!! –

Ах, Тоня,
Свет прожектористка,
Где ты?..
Над плитами гранита вдоль реки,
Как отблески прожекторного света,
Плывут ромашковые лепестки.

Июнь опять по лепесткам гадает,
Гадает о любви десятки лет...
А знаешь,
На свидании тогда я
Был у тебя.
Ты помнишь тот букет?..

С дороги завернул я перед зорькой
В твою землянку около дворца
И сон твой в полутьме за переборкой
Спугнуть боялся.
Бились в лад сердца...

К дыханью не приблизился,
Лишь только
Шинель поправил на тебе в ночи
И первые ромашки возле койки
Поставил в стоптанные кирзачи.

Не разбудил.
Берег я сон твой чуткий.
В землянке затемненной тишина,
Блестела сетка койки,
Что кольчуга,

Ромашками войны освещена...

Команда:

- Луч! -

И над кольцом штурвала

Взошло мне навсегда твое лицо...

Любовь жила

И первой разорвала

Своим лучом

Блокадное кольцо.

Свадебный Билет

Ах, что там?

Белый свет метелью

Иль свадьба

У околицы?

Жених с невестою влетели

К учительнице в горницу.

Встал с выпускницей перед нею,

С мороза как пожар уста.

Невеста просит,

Розовея:

- На свадьбу к нам,

Пожалуйста!.. –

Блеснули два кольца с билета.

В раздумьях,

Одинокая,

Стоит хозяйка без ответа,

Как мать,

Совсем не строгая.

С ней - пачка почты треугольной,

На обелиск похожая,
Минуло столько...
А все больно...
Была бы помоложе я...

Любви все возрасты покорны...
«Покорны ли?..
Покорны ли?..» -
Трубят серебряные горны -
Ее сединки гордые.

Все выпускницы - замуж,
Замуж,
И ладные, и видные.
Пройдет годок, другой...
А там уж
Не счесть невест на выданье.

Как не пойдешь?
Навек в обиде!
Пестро в глазах.
- Ах, где очки?
Не приглашайте!
Пощадите!..
Ах, всем вам счастья,
Девочки!

Белый бор

Прежде я сверну к заре брусничной
И в букет брусники наберу.
О тебе я, парень боровичский,
Загущу в березовом бору.

О тебе, далекая, неверная,
Боровые загудят басы,

И вдали глаза увижу серые
Под бровями проливной грозы.

И повиснет по-над бором радуга,
Не соединив собой сердца,
И пойму: не я тебя порадую
Золотою кривизной кольца...

Уроню букет с тугими гроздьями.
Память зазвенит, как тетива...
Пусть в бору мою бруснику позднюю
Черные клюют тетерева.

Пусть в бору к тебе все тропы разом
Заметает чистый снег берез.
Не ему ли, белому, обязан
Тем, что в наших встречах не сбылось?

*

Мне хочется совсем-совсем немного...
Хочу, чтоб под ногой была земля,
Чтоб рано не окончилась дорога,
Чтобы и поздно ты ждала меня,

Ждала у свечеревшего оконца,
Глядясь в него,
Все так ли хороша?
И чтоб тебя подсвечивало солнце,
Озерного касаясь камыша.

Чтоб в далеке своем, о встрече помня,
До вьюги бы успеть иль до грозы б,
Чтоб вовремя от снега и от молний
Укрыть твоих волос ржаную зыбь,
Чтоб, увидав меня,

Навстречу вышла,
Морщинки спрятать не успев под крем.
Чтоб ревновал,
Робея,
Как мальчишка...
Мне хочется немногого совсем.

Светелка

*Стихов и света кутерьма,
сияй во что попало!*
Вл. Маяковский

Моя светелка - на холме высоком.
В ней окна - нараспашку, ставней нет.
Навстречу тучам западным из окон
Снопы лучей зернисто сыплют свет.

Обрушивает ливни ветер мозглый,
И в стылой мгле ни звездочки над ней, -
И в этот час спешит к ней путник поздний:
Чем гуще тучи, тем она видней.

Не погасить ее: насквозь прогреты
Ее венцы до срезов угловых,
Венцы крутые срублены из света,
Что затвердел в их кольцах годовых.

Высокая, открытая простору,
Ее светлынь-душа щедрым-щедря,
Как будто солнце не зашло за гору,
А на горе осталось до утра.

Сыну Вадиму

Зима - седая повивалка –
Шептала светлые слова.
Купель готовила Русалка,
Когда рожала Волхова.

У изголовья роженицы
Вихрился Ильмень снеговой, -
И белокурый, белолицый
Родился русич - пращур твой.

Недолго вороги, пируя,
Топтали снег его и лед...
К сынам словен, к сынам Перуна
Восходит твой российский род.

И ты, покуда не подкошен,
Заслышав клетот, не робей,
Не жди, когда залетный коршун
Обидит белых лебедей,

Бедой падет из ладу - лебедь -
На белогрудую твою -
И в колыбели смолкнет лепет
И песнь в березовом краю.

Оборони свой край родимый
От черной лихости любой.
Не зря ты назван в честь Вадима,
Чтоб дал варягам первый бой.

Волхов

Мне говорят:
Здесь Ленин был проездом.
И волховская пенится волна,
И мост гремит,

Идет состав по рельсам,
Сквозь сумрак
Ленин смотрит из окна.

Сощурясь,
Из оконного окна он
В мгновение то
Увидел пред собой
Не поворот реки,
А нить накала,
Услышал гул турбины
За избой.

И мачты,
Груз высоковольтный вскинув,
Сгорбятся,
По колено в ивняке,
На Ладогу шагнули от плотины
И встали строем
На Неве-реке.

Отсюда
Всей России
Свет забрезжил...
А сколько было здесь до Ильича
Светлейших
И сиятельных проезжих,
Ни мысли от которых,
Ни луча.

Мне говорят:
Здесь Ленин был проездом.
Нет!
Так о нем
Не говорите мне.
Здесь Ленин -

Не проездом,
А протестом
Любому,
Кто проездом
На земле.

*

Узнал березу по горбинке,
Узнал по шраму на боку.
Я в детстве бегал по тропинке
К березе этой на лугу.

Она светилась вся, бывало,
Меня увидев за версту.
Босого в лапти обувала,
Кормила грудью сироту...
Теперь - ни тропки той, ни луга.
И, выше солнца остеклен,
Горячий цех, дрожа от гула,
Окутал дымом небосклон.

Она не сетует на долю,
Лишь ветви выше поднялись,
И, излучая свежесть поля,
Свою не уступает высь.

Осенний триптих

1

Я рedeющим красным бором
Под рябинами прохожу.
Гнет их ветер над косогором,
Их кистями бомбит между.

И мне думается огорченно:
На ветру такого костра
Не удержит свои знамена
Золотая моя пора.

В золотые мои сентябрины
Пламя ягод выше избы.
Горьковатым огнем рябины
Набивают птицы зобы.

Пусть рябиновый сок, сторая,
Согревает в полете грудь.
Мне не жаль для них урожая:
На заре им далекий путь.

2

Все копны в ночь седыми стали.
Их, мерзлых, оторопь берет.
Заиндевелыми стадами
Они в тумане ищут брод.

У копен выстыла на пожне
Вся яровая их душа.
Глядит на небо все тревожней,
Всем телом на ветру дрожа.

Звенит морозец в их соломе,
Достигший хрупкости стекла.
Друг друга заслонив на склоне,
Лишь снизу ждут они тепла.

И с их боков сползает иней.
Они земле своей родня:
Во весь накал земной под ними

Лучами вспыхнула стерня.

3

Пылят обозы по дорогам.
Поля в узорах от колес.
Моргнула туча синим оком,
И стало грустно ей до слез.

Ее дождевики в полном теле.
Качаются, как на весах.
Они на землю захотели,
Им надоело в небесах.

Они справляют новоселье,
Укладываются до весны
В освободившуюся землю
И видят радужные сны.

Пряхи

Снег у цеха плавкий, талый,
Не живет и трех минут,
И петровские каналы
Снеговую воду льют.

От морозной зимней бури
Пряхи все - как на подбор –
Краснощеки, белокуры,
Словно фабрика сестер.

Их в цеху встречает лето.
Шелковисты, горячи,
Под рукой початки света,
Нитей тонкие лучи.

А порвутся - с полувзмаха
Пальцы сращивают их.
И зима - седая пряжа -
Отстает от молодых.

Запотели своды даже.
Капли первые с высот.
В паутинках знойной пряжи
Лето вдоль станков идет,

Лето с голыми руками,
Жилки - в розовом огне..
А зима, как на экране,
В цеховом дрожит окне.

Лужский рубеж

О, как вам удалось, Лужане,
Вернуть рубеж свой
В малый срок?
Вы - ленинградские южане,
Вечнозеленый городок.

Вам в окна дышат с улиц Луги
Сквозь иней свежие стога,
С широкой пойменной округи
В них застогованы луга.

И сосны встали на пригорок,
И за рекой, и у реки,
Колоннами вступили в город
Их крепкоствольные полки,

Сошли по Лангиному склону
В окопы...
Не прорвать уже

Их круговую оборону
На старом
Лужском рубеже.

Декабрь

Александр Решетову

Все - разом... -
Больничная мука
От синих ногтей до седин,
Под ложечку - скальпель недуга,
И ложь - как под вишенку клин.

Тяжел твой декабрь и короток.
Простились с тобой у берез
Меж белых от стужи решеток
И мертвых искусственных роз.

Не зря ненавидел особо
Искусство подобное ты:
Древесною стружкой гроба
Бумажные пахнут цветы.

Пробились в минуту прощанья
От сердца толчки твоих строф.
О, сколько тепла в их дыханье,
Хоть век их рожденья суров!

И горлом - их солнце...
Позволь же
Светло и незыблемо мне
Под этим светилом подольше
С тобою побыть на земле.

Над зыбью морозно-белесой

Тебя я - живого - прошу:
О друг мой, позволь, за березы
Тебя далеко провожу!

Огневица

Огнеподобны
Крестики сурепки
На поле озими
Над синью Мсты.
Пожар на пашне
Не погасят предки:
Ушли под деревянные кресты...

Мы, сорванцы,
В смеркавшейся избушке,
Где даже спички были на счету,
Из зерен,
Заменявших нам игрушки,
Выкладывали на столе звезду...

Лучился колос
Из вечерней сини,
За лето накален до желтизны...
Все эти звезды
В детстве нам светили
И до сих пор мне освещают
сны...

И сыну поле это
пусть приснится
И солнце - караваем на меже,
И пусть не пустит корни
огневица
Ни в пашне
надо Мстою,

Ни в душе.

*

Переправы жду,
И показалось,
Это ради нас под Новый год
Волга потеплела,
Раздышалась,
Рушит между нами черный лед.

Ради нас в ночной глуши над Волгой,
Словно месяц,
Блещет круг руля
И к весне
С вращающейся елкой
Поворачивается земля.

*

Нас венчала луна
При сосновых свечах...
Хата солнца полна
При зеленых очах.

А до встречи с тобой,
Ныне кажется мне,
В ясный день
Как слепой
Я ходил по земле.

Русь

Голубики настой хвойно-пьяный
Разлила у лесного ключа.
Сине-белые океаны
Приспустила она с плеча...

Жаждал враг ее видеть в рубище
И порубанной - в алом соку,
Но вставали на битву русичи
В чистом поле, оставив соху.

Гнали погань хоробрые кметы
И секли со всего плеча,
И являлся им отблеск ракеты
В ослепительном взлете меча.

Краски Дионисия.
Ферапонтов монастырь

Взываю к Дионисию:
«Явись!
Забыл ты передать
Потомку опыт...»
И крутояр,
И купольную высь
Вмиг воскресил прожектор,
Словно робот.

И вот он - богородец.
Светел пот.
При вспышках волн,
Седые хмурия брови,
Цветные камешки
Толчет и трет,
Трет пальцами их
До накрапов крови.

К растертым в кровь
Прикладывает ил.
От боли в них - от жгучей -
Муж великий

Такую муку в красках засветил,
Что негасима и в настенном лике.

От муки смертной
Перекошен лик,
Свело персты,
Прижавшие младенца, -
И кажется, вот-вот сорвется крик
И кровь на стену выступит
Из сердца...

На паперти обычно жизнь течет,
И для искусных рук своих без риска
Турист такие ж камешки толчет,
Но, жаль, мертвы
Творения
Туриста.

Мать

Совсем стара.
Куда теперь ей деться?
В дом престарелых?
Со стыда сгорит.
Трех сыновей носившая под сердцем,
С каким теплом о каждом говорит.

Пора и к сыновьям - куда же больше?
Пока жива...
А там пристроит бог...
Идет старуха в город через пожни
С мешком сушеных ягод и грибов.

К меньшому прежде.
Как там самый малый?
С пеленок хвор был-

Бросил бы курить!
Навстречу ей раскинул руки:
- Мама! -
И двери не успели затворить,

Запричитала:
- Ах ты грех великий!
Едва доклюкала - совсем слаба...
И родинки,
Что пятна от черники,
Разгладила,
Стирая пот со лба.

Как рад ей сын!
Черпнул малины горстью,
Сажает на тахту,
Спихнув кота,
Поит он чаем дорогую гостью.
А поутру:
-Теперь-то, мать, куда?..

С одышкой в гору к среднему старуха –
Проведать,
Поздорову ли сынок.
-Останься, ма... -
И не хватило духа,
Краснея, проглотил последний слог.

И встала сватья на посту у зыбки.
И гостья-мать слезу превозмогла.
Сноха на кухне, не гася улыбки,
Отрезала в дорогу пирога...

И с мягким липким пирогом в кармане –
На станцию.
И дальний взят билет.

И через день ее в сыром тумане
Среди немых камней застал рассвет.

Вот и нашла хоромину сыновью.
Так что ж он не зовет к себе домой,
И не целует в родинку над бровью,
И не берет на радостях гармонь?

Под обелиском старший...
Рад ли маме?
Сползает влажный на глаза платок.
Руками обняла холодный камень,
И вырвалось:
- Возьми меня, Сынок!..

Совсем слаба,
Куда теперь ей деться?
В дом престарелых?
Со стыда сгорит.
Трех сыновей носившая под сердцем,
С каким теплом
О каждом
Говорит!

*

Волен и безгрешен
Только ветер,
Свежий ветер
Посреди белдня...
Кем я был?
Легко ль я жил на свете? -
Только ветер
Спросит у меня.

Покажу ему в ответ
Лишь руки.
Пусть их гладит,
Веря,
Я не лгу:
При себе
Все выпавшие муки,
Чтоб он не заплакал,
Берегу.

*

О счастье личном
Что скажу я?..
В жизни, -
Где верхней нотой
Реактивный рев, -
Оно от пятерни моей зависит
И ото всех пяти материков,

От всей глобальной шири их и выси,
На нем эпохи звездная печать, -
И личное -
Оно
В одном лишь смысле:
За все на свете
Лично
Отвечать.

*

Сенокос

Закат -
За проливами сини...
В закате пылают стога,
Быстрее пожарной машины
Их гасят вдали облака.

За пряслами -
Вихрь сенокоса.
Летит вдоль деревни пыльца,
В пыльце золотится береза,
И в золоте - угол крыльца.

А в избах,
Изнывших от зноя,
Во время погожих недель
Безлюдье царит затяжное,
Не скрипнут ни створка,
Ни дверь.

Ни звука,
Ни шага людского -
В июльском затишье села.
И зелень в тени частокола
Тропу,
Осмелев,
Заняла.

Ей хочется в луг -
За ворота:
В тени поднялась -
Хоть коси...
Главнейшая это работа
С древнейшей поры на Руси.

*

Ох уж эти о бессмертье речи!..
Философской мудростью слепя,
Поучаешь,
Как увековечить
На планете самого себя.

Вечность - это не моя забота,

Потому что твердо знаю я:
Вечна только на земле работа
И сама родящая земля.

Борозда без нас пройдет веками,
Будет хлеб давать,
И вечен ты,
Если ты извечный мертвый камень
Выбросил из этой борозды.

Содержание

Родословная	3	
«Комфорт комфорту - рознь...»	4	
«Не высокой молнии...»	5	
Земная тяга	6	
«Себя мы не боготворим...»	7	
Жаворонок	7	
Остров Березовед	8	
Памятник тысячелетию России	9	
«Рвусь в луга...» .	10	
Юлька *	11	
Рыжий	12	
Прачка	12	
Осень	13	
Потому что люблю	14	
Прадед	16	
«Колхозный сад наш выглядит чудесно...»		17
Сердца солдатские	18	
Колокола	19	
Железный холмик	20	
«Выстрелил фашист в бойца с разбега...»	21	
«Поднимаемся мы на зеленый бугор...»	21	
«Придет любовь...»	22	
«Мы - не одни...»	23	
«Не хочу я никакого чуда...»	24	
Валдай	25	
Заповедник Ярославово дворище	26	
Боровичи	27	
Сиротский бугор	28	
Сушилово	31	
«Стоит избушка...»	33	
Новгород	34	
«Он полз в шинели по-пластунски...» ...	34	
Блокадная Пеструха	35	
Два Федора	37	

Связь	39
Осколок	40
«Мой добрый врач...»	41
Русалии	42
Рисунок	43
«Не вернулся...»	44
Терентий	45
«Дерево...»	46
«Да, тишина космически огромна...» ...	47
Память	47
Деревня	49
«Окно в Европу...»'	50
«В поэзию приходит пополнение...» . . .	51
Новый дом	51
Рост	51
Руки	54
Труба	55
Пайка	57
Василеостровский ангел	58
РоАство	.59
Под вечным огнем	50
Тюльпаны	62
Первый куре	54
Кронштадт	65
«О, не черни карандашом бровей...» ...	66
«Ты въяве ль была...»	67
Луч	67
Свадебный билет	69
Белый бор	 70
«Мне хочется совсем-совсем немного...» . .	71
Светелка	72
«Зима - седая повивалка...»	73
Волхов	74
«Узнал березу по горбинке...»	75
Осенний триптих	76
Пряхи	78

Лужский рубеж	79	
Декабрь		
Огневица	81	
«Переправы жду...»	82	
«Нас венчала луна...»	82	
Русь	83	
Краски Дионисия. Ферапонтов монастырь		83
Мать	85	
«Волен и безгрешен только ветер...» ...		87
«О счастье личном...»	88	
Сенокос		
«Ох уж эти о бессмертье речи!...»		89

Чистяков А. Ф.

Твердыни: Книга стихов. - М.: Со временник, 1982. - 94 с. - (Новинки «Современника»)".

В сборник вошли стихи о Великой Отечественной войне, о трудовых и ратных подвигах советских людей, их нравственных истоках.

4702010200 - 226

159 - 82 ББК84 Р7

М 106(03) - 82 р2

Антонин Федорович Чистяков

ТВЕРДЫНИ

Книга стихов

Рецензент К. Поздняев Редактор Г. Касмынин Художник Е.

Прохоров Художественный редактор В. Покатов

Технический редактор Г. Бойцова Корректоры Н.

Волошинова, Н. Дегтярева

ИБ № 2407.

Сдано в набор 28.05.82. Подписано к печати 20.08.82. А13014

Формат 70х90/32. Гарнитура литерат. Печать высокая.

Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 3,51. Усл. кр-отт. 3,78. Уч.-изд.

л. 3,45 Тираж 10 000 экз. Заказ 2982. Цена 45 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета

РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной

торговли и Союза писателей РСФСР 121351, Москва, Г-351,

Ярцевская, 4

390012. Рязань. Новая, 69/12 Рязанская областная типография

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге - ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении - направлять по адресу:

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4 Издательство

<Современник>

Антонин Чистяков - сын крестьянина, погибшего во время Великой Отечественной войны. Девятиклассником ушел на фронт. Участвовал в обороне Ленинграда.

После войны окончил Ленинградский Государственный университет. Работал учителем и журналистом.

В разные годы у поэта вышло семь книг лирики. В сборнике «Твердыни» сделана попытка представить читателю наиболее заветные стихотворения поэта. Его героям свойственно чувство патриотизма, любви к земле Отечества.